

Федор Метлицкий

Белая лебедь

Рассказ

16+

Федор Федорович Метлицкий

Белая лебедь. Рассказ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67684599

SelfPub; 2022

Аннотация

В совершенно другом, многополярном мире, скудном времени импортозамещения, у незаметного клерка украли единственный автомобиль. Обычно не в состоянии из опаски сказать прямо то, что чувствует, он начинает проявлять себя в нелепой форме, его принимают за ненормального.

Содержание

1	4
2	7
3	10
4	14
5	18
6	21
7	25
8	29
9	31
10	33
11	37
12	41

Федор Метлицкий

Белая лебедь. Рассказ

1

Это было время, когда мир предстал совершенно другим. Время многополярного мира, перехода экономики на привычное импортозамещение.

Во все времена исторических взлетов и падений, человек мало меняется. Но сейчас, во второй половине последнего столетия, в постоянных кризисах люди ощутили усталость от идей и идеологий. Стала спадать пелена иллюзий и романтики, что раньше воодушевляло войны и революции. Потеряли опасную остроту массовые протесты, бунты – они не решали никаких проблем, и стали безопасны для власти. У граждан оставались только силы для того, чтобы напитать себя и устроить жизнь семьи.

Лопухов после окончания института попал на работу в некое министерство, устроился мелким клерком. Это было пугающее мрачное строгое здание сталинской постройки в квартале, где в основном громоздились официальные здания власти. Вход в них был по специальным пропускам со страшным гербом-крабом, и посторонние не могли проник-

нуть внутрь.

Министерство было всесильно и вездесуще – обслуживало оборону, плодило постановления по своей сфере деятельности, в том числе решало социальные вопросы населения, вбухивая в него всю пропагандистскую энергию. Оно учитывало каждую человеческую единицу, на которую начислялись посылки для власти крохи от бюджета.

Лопухов был из тех, кто в любую эпоху, бунтуя внутри, незаметно проживает свою жизнь, становясь безличным перегибом истории на фоне выпрыгивающих вверх вождей и знаменитостей, вошедших в мифы и легенды. Никак не мог привыкнуть к однообразному течению жизни: изнывал на работе в офисе, застрахованный постоянной скудной зарплатой. И всегда счастливо избегал различных бытовых опасностей.

В детстве он привык бояться отцовского ремня и умел ловко избегать экзекуции благодаря фантастическому умению приспособливаться. У отца были гены предков, по которым проходили катки войн, постоянного страха перед басурманами, которые, бывало, пировали на живом помосте из пленников – наших лучших витязей. А также постоянный страх из того времени, когда в страшной ночной тишине воронки-«маруси» проскальзывали к домам, после чего исчезали люди. Душа отца жаждала безопасной жизни, стабилизации. И в крови Коли Лопухова тоже остались гены папы.

В школе одноклассники насмеялись над его пухлым видом и жирным задом, обзывая его «Джупарой», именем недавно появившейся ученицы – толстой косоглазой бурятки с рублеными чертами лица, его почему-то приклеили к ней.

Уже взрослым он по-прежнему ощущал грозное давление на себе неподвластной ему, как зима, внешней силы. И боялся ее, как отцовского ремня, прячась в офисе своего отдела, который ввиду не особой значительности помещался под сводчатым потолком подвала. Там за рядами столов справа и слева склонялись над «делами» смирные коллеги в вицмундирах, пишущие гусиными перьями, которые снова появились в ходу в результате импортозамещения.

Свою наивность и искренность он скрывал, панически опасаясь некоего разоблачения. Был не в состоянии сказать прямо то, что чувствовал к обижающей среде – опасался, что за правду будут бить. Хотя иногда проявлял себя в нелепой форме, что грозило чем-то опасным.

2

После принятия «беспрецедентных» санкций против непокорной страны, каких не знала история даже в эпоху мировых войн, жизнь изменилась до неузнаваемости. Вернулось время всеобщего дефицита. Вернее, дефицит никуда не исчезал, а был всегда – или некоторых особенно привлекательных вещей, или денег, чтобы купить их. Жена Лопухова давно запаслась мукой, овсяными хлопьями и сахаром, а также дефицитными лекарствами. Шкаф на кухне был завален пузырьками йода, перекиси водорода, антисептиков, антигистаминных, обезболивающих, жаропонижающих, активированным углем, пластырями, бинтами, жгутами...

Перед праздником опекавший Лопухова толстый и добродушный кадровик Злобин подозвал за свой стальной шкаф.

– Нужны дефицитные продукты? Вот тебе записка в валютный магазин. Бери, не стесняйся. Это волшебный ключик, который откроет тебе все двери. купишь полный набор, да не за зеленые – где они у нас сейчас, были, да сплыли. За юани. Видишь, как я о тебе забочусь? Может, вспомнишь когда.

Чем-то Лопухов ему приглянулся. Не дай бог...

Пошел с заветной запиской в магазин за дефицитными продуктами – кофе, чаем, апельсинами, хамоном. Шел и всю

дорогу пытался прочесть фамилию некоего лица, который мог все. Подпись непонятна, не то Шуваев, не то Сулаев.

Ну, пошел с черного хода. В ворота въехала машина – чуть не прокатила его по стенке. Выскочил из-под нее – там носят ящики с консервами.

– Мне...

И позабыл. Растерялся. Вытащил волшебную записку.

– Шуваева... Александра Ивановича.

– Вам туда.

Подошел к директору. В его кабинете бил в глаза плакат с расчерченным на куски животным.

– Вы Сулаев? Вот...

Опять забыл, глянул в бумажку.

– Сейчас, – пробурчал тот, и оторвался от бумаг. – Платите в кассу. Идите тудой.

– Сюдой?

– Да как угодно.

Лопухов в поисках кассы мешался под ногами рабочих.

Вернулся, зажав в кулак чек,

– Проходите ко мне, – сказал директор.

Лопухов зачем-то мигнул директору. Тот, занятый, недоуменно глянул.

Пришла тетка в халате, с пакетами.

– Авоська у вас есть? Авоська – есть?

Повернулась.

– У него авоська есть?

– Вы – мне? Вот, сумка.

Озираясь, покидал пакеты в сумку.

– Выйти можно сюда?

– Да в любую сторону!

Недоумевая, проводили глазами. Лопухов фальшиво улыбался по дороге.

3

Жизнь замедлилась. В ходу была новая валюта – юани. Средства сообщения, вроде мобильного телефона или других гаджетов, исчезли из продажи, хотя Лопухов знал про их существование, но уже забыл, что есть проходящая по воздуху информация. Снова вернулись к массивным черным устройствам-телефонам, и письмам, вспомнив, как писали в старину: «Милостивый государь, в первых строках моего письма...», и заканчивая: «Жду ответа, как соловей лета».

Страна постоянно была занята разборками с обидчиками-соседями в Восточной Европе, в Малой Азии, на Дальнем Востоке. Стоит только почитать переписку глав государств из архива, чтобы понять, как возникают распри и войны. Все начинается с обид, нанесенных государям, сиречь их державам. Беспокойные соседи не дают жить миролюбивому монарху, вытесняя с рынков. «Брат мой, вы не соблюдаете обязательств между нами, – пишет один, обиженный. – Мы начинаем оборонительную войну». Беспокойный сосед отвечал: «Брат мой, вы империалистический хищник. Несмотря на добросовестность, с которой мы выполняем свои обязательства, ваши войска пересекли наши границы». Противник отвечает: «Я не испытываю к вам и вашим подданным враждебного чувства. Я хотел бы избавить вашу страну от

бедствий, в которые она сама на себя вовлекла», и т. д.

Лопухова тоже долго жгла обида, когда во времена потепления дружественная держава помогала, чем могла, распадающейся стране. Ее консультанты шастали по министерству, и один, словно жалея, сунул ему дешевую импортную безделушку, он поклонился – проклятое воспитание! и тот инстинктивно отдернул руку, словно ее собирались поцеловать. С того позорного мгновения в нем тлел гнев против их снисходительного похлопывания по плечу – знай, мол, сверчок свой шесток. Страна и подавно не могла выдержать, когда ее ставили на место, как слугу.

Тогда в речах депутатов, официальных политологов и журналистов процветали сравнения. За сомнительные поступки своей страны они оправдывались не перед Богом, а кивали на «подлянки», допущенные зарубежными «партнерами»: «А вот у них там!»

Даже небольшая военная операция где-то в Африке, которая шла в это время, не могла повлиять на повседневные заботы Лопухова о своей семье – жене и маленьком пуделечке Норуше. Неважно, какая война, настоящая или гибридная, они обычно бывают во все времена, в прошлом, настоящем или будут в будущем, – ничего не поделать, он будет терпеть, пережидая напасть.

Однако от призывов наказать соседей он морщился, война казалась таким же безобразием, как рвать живое тело на куски. Однажды увидел, как забивают животных на скотобой-

не – обездвиживают током, подвешивают за ноги, вскрывают артерии и вены, сливая кровь, снимают шкуру, извлекают внутренние органы – бр-р! С тех пор стал вегетарианцем. Но не мог выразить отвращение открыто, в лицо упертым – было как-то неловко. Он удачно находил слова, чтобы помириться с непобедимой силой. Ты независима, – якобы, твердо говорил он, глядя силе в глаза, – и я тоже независим. Давай не трогать друг друга. А у самого душа уходила в пятки.

И избегал коллективных патриотических митингов, куда выходили с победными плакатами его коллеги по настоянию активистов, хотя, казалось, они делают это искренне. Даже если наступит катастрофа от экономических санкций, они тоже будут терпеть, никого не виня.

Лопухов, как все, узнавал новости по телевизору, ибо других новостей не было – альтернативные сервисы были запрещены, а подпольных искать было опасно, да и не было охоты слышать болтовню не обладающих хотя бы каким-нибудь властным ресурсом. И верил, что если бы не вражеское окружение, осадившее нас, то мы бы жили в раю. За неимением иного привычно читал новых «проходных» писателей и смотрел по телевизору попсовых певцов, выживших после прополки экономическим кризисом развлекательных программ. Творцы силились «приподнимать действительность» и видеть лучи восходящего солнца своей страны, которое превращалось в золотую звезду на груди ее кавалеров – героев романов и шлягеров.

Мы отстаиваем интересы и безопасность страны по всему миру, защищая наши права, и Лопухов удивлялся радикалам, которые осмеливались кусать за икры власть, вторгавшуюся войсками во все податливые дырки мира. Кто прав? Полно пропагандистских фейков – кому верить? Психика человека не любит неопределенности. Из бьющей по нервам тревоги он возвращался в надежный мир – включал телевизор, где мстительно улыбающиеся пропагандисты действовали на него успокаивающе, и снова ощущал безмятежность нашей стабильной жизни.

Люди зомбируются быстро, когда официальные источники истины с одной стороны насквозь свои, родные, а с другой – резко враждебные. Хотя все истины относительно, суеверия. Люди во все века жили суевериями. Народы, не поднимающие глаз от трудов на земле, напиваются суевериями, сами собой лезущими в уши из телевизора и «сарафанного радио». Зашоренность мозгов всегда оборачивалась войнами.

У Лопухова был приятель из их министерства, худой и костлявый Пахомов, программист и сосед по даче. Это был настоящий русак, с бородой и лобной повязкой-ремешком, чтобы не лезли на глаза волосы во время дачных работ. От чего-то было хорошо с ним, где-то на отшибе от чуждой среды, они могли спорить безопасно, хотя были разных взглядов. Вернее, у Лопухова не было взглядов, одни сомнения.

Дача была маленькой – сруб на шести сотках, выделенных когда-то на бесплодной пустоши министерским служивым людям. Они с женой, чтобы выжить зимой, высаживали картофель, капусту, помидоры, клубнику и прочее. Это было уютное безопасное место посреди цветущих садов, давно ставшее родным, куда можно спрятаться. Отрадно было слышать чирикающие семьи птичек, мелькающих в молчаливых ветвях яблонь, шершавое тепло коры березы под ладонью, гулкий стук дятла вверху.

Приятель часто сидели на крылечке и спорили, попыхи-вая сигаретами.

– Видел, как на американцев в касках кричали арабские бабы? – спрашивал его Лопухов. – Завоеватели! Бросили на город фосфорные бомбы! Сколько покалечили народу! За что?

Пахомов безжалостно говорил:

– Посмели бы они так протестовать в предыдущих веках, покосили бы сразу.

– И это во второй половине двадцать первого века! – возмущался Лопухов.

– Врага в слезах не утопишь, – твердел скулами Пахомов.

Лопухов колебался. Было что-то ужасное в бесконечном состязании гегемонов за мировые пространства, которое не кончится, даже если один победит и его элитные военные подразделения разместятся по всему миру. Обязательно поднимутся другие мощные силы.

– Зачем же нам соваться? Ведь, мы приносим лишь кровь и ужас – военные на другое не способны. И получаем ту же ненависть.

– Не ставь неприятеля овцою, ставь его волком. Надо же как-то покончить с вражьем племенем!

– Не знаю, не знаю...

– А ты перестань юлить.

Лопухову стало неприятно.

– Я не юлю. Всегда чувствую правду и фальшь. Только обижать правдой не хочу.

– Надо переходить на чью-либо сторону.

– О какой стороне ты говоришь?

– О нашей, проверенной веками.

– Ты даже не осознаешь, что в тебе осели мифы нашей истории и пропаганды. Не умеешь расковырять истину под

этим хламом.

Пахомов не понял, о чем он.

– Я за родину. Зачем ее ковырять?

– Что ты понимаешь под родиной? Нашу систему?

– Россию, дурак!

– Она разная. Есть Россия начала века, есть сегодняшняя.

Есть патриоты, и есть оппозиция.

– А ты за какую?

– Ни за какую. За ту, что выше всех идеологий.

Спорить с Пахомовым было бессмысленно, его мозги не воспринимали знания больше тех, что заложила среда. Правда, как и у него. Но идейная непримиримость не мешала им дружить.

Лопухов углублялся в себя, и с ужасом узнавал совсем другого человека, не того, каким был в детстве, когда жил внушениями классиков литературы, и в деревне у бабушки зимой с восторженным риском летел по нескончаемому льду замерзшей речки вниз, не встречая преграды. Стала его второй натурой неизбежность приспособливаться перед несокрушимой, как природа, силой. Это человеческое свойство. Организм растет сам собой. Понуждать его расти – вредно. Бунт – это когда пересиливает внутреннее неудобство, нестерпимая боль. Протест – болезненная крайность для нормального живого существа, если это не религиозное внушение принести себя в жертву. И надо еще преодолеть

полосу защитной немощи, живущей в каждом. Это – узел проблемы человека, которого разбирают на части философы и литераторы, видя его крайние стороны. Приспособление к обстоятельствам, или смерть. Нет героев – есть люди, припертые к стенке и доведенные до отчаяния, готовые умереть. Умеющий спастись от преждевременной смерти – вот главный герой всякой эпохи... Хотя это, конечно, дает безграничные возможности для своеволия властей.

В человеке скрыто столько чудес, и мистики, и дерьма! Но главное – он весь запрограммирован природой на творчество, на все новые и новые создания, а не на разрушение. На сотворение земледелия, счета, великих поэм древности, Библии. Изобретение алфавита, колеса, топора (не боевого!), керамической и стеклянной посуды, лодки, ткацкого и печатного станка, не говоря уже о зубных протезах и пасте, линзах для очков, мыле, пуговицах, лапше быстрого приготовления и пр. А также изобретение электричества и радио, автомобиля, аэроплана, компьютера и интернета, роботов, астрономического вычислителя, телескопа, космических спутников и станций...

Лопухов с отвращением избегал перечислять невероятное количество изобретенных средств убийства людей и человечества в целом.

Все-таки его мучила совесть, неизвестно, в связи с чем и от чего.

Он часто встречался с другом детства Петровым, с которым вместе пришли в министерство, а потом он ушел на общественную работу. Они часто спорили о будущем мироустройстве, когда пройдет черная полоса постоянного мирового кризиса и душевного надрыва людей. Тот не скрывал своих мыслей, высказывался прямо, что думает, иногда при посторонних, приходивших послушать. Но пока никто не настучал, людям было все равно, протесты стали никому не нужны.

– Система по своей природе упорно делает шаги к своей гибели, – опасно усмехался Петров. – Управленцы, не очень соображая, что делать, в страхе и истерике ведут корабль к пропасти. Народ, тоже в страхе и истерике, оживающий только от удачных захватов земель, уже подготовлен к последней битве. Он еще очнется, когда жрать будет нечего, или после атомной войны окажется в аду.

– Надо же защищаться, – жалко возражал Лопухов.

– Против кого? Кто нападает? Цивилизация второй половины века уже далеко ушла от свирепой резни викингов. Сейчас уже встали во весь рост другие, глобальные задачи.

А наша власть живет в средневековье.

Тот подбил его выйти на бесполезный протест, вместе с соратниками, в которых еще тлели остатки иллюзий. На улице что-то в нем отпустило – увидел вокруг людей с хорошими лицами, настоящих друзей. Сколько вокруг, оказывается, чудесных людей! Откуда они берутся – или прячутся?

Шли рядом, плечом к плечу, дружески улыбаясь. Почему-то никому не приходило в голову, что будет как раньше – повяжут, избыют или посадят, ибо переживали лишь настоящий момент восторга.

И вдруг Лопухов ощутил свободу, счастье. Все зажимы разжались, он чертовски осмелел. Воскресли все гуманистические порывы, героическое чувство справедливости, совесть и нравственность, которые он переживал, читая тексты классиков и диссидентов. Впервые он распрямился, чувствовал себя героем, способным смело бросить в глаза начальству все, что он о нем думает. Тем более броситься на врага, как юные романтики в великой справедливой войне. Это была законная свобода, и казалась безопасной.

Рядом с ним суетился юный Гаврош, в кепке, прикрывавшей ершистую шапку волос. В нем бушевала природная свобода, он что-то кричал.

Навстречу попался дежурный отряд полицейских. В Матюнине растерянно метнулись гены предков – он всегда знал, что героя низвергают, привязывают к скале, где его печень клюет вброн, расстреливают или прячут на каторге. И он,

схватив вырывающегося Гавроша, опрометью ринулся в подворотню.

Но никто их не преследовал. Полицейские только наблюдали.

На работе коллеги посмеивались: ну и чего они добились? И, на всякий случай сторонились Лопухова. А он разочарованно сел за свой стол, раздраженно вороша бумаги.

6

Ему представился счастливый случай. Министерство в знак особого доверия (а может быть, это чего-то хотевший от него кадровик?) выделило автомобиль, нашу единственно оставшуюся после санкций старинную надежную марку «Москвич». За старательность на работе.

На радостях на покупку не пожалели ничего. Жена потратила все свои драгоценности, оставленные в дар еще бабушкой. А это была невероятная жертва еще молодой женщины!

С покупкой «Москвича» с него словно спала тяжелая изнуряющая тягота на всем его существове, открывалась совершенно иная жизнь в безграничной свободе. Стало единственной отрадой это белое чудо с блестящим никелированным белым лебедем на носу, распахнувшим крылья. Оно убыстряло все дела, манило в загородную весеннюю зелень, хотя могли досаждать неуправляемые заторы на дорогах.

Лопухов решил сразу отогнать только что купленную машину на дачу, проверить ее ход. Посадив своего пуделечка Норочку на сиденье рядом, он выехал на простор за городом. Там не было ничего, что давило бы на душу и заставляло вывертываться из-под каких-либо жерновов

На даче – садовом участке, полученном от министерства,

он любовно облазил белую машину.

Возился под ней, с отрадным мужским чувством техники. Вокруг машины с лаем бегала Норочка. Есть что-то утешающее боль души – в этом копании в двигателе, в какой-то надежде на вольное бытие здесь и там. В этом зеленом огне жизни, к чему был предназначен рождением, но чем и нёжил, всей бедностью и бедой своей юдоли земной: что – мне? Что убивает всю мою судьбу?

Автомобиль для Лопухова, как и любого обывателя, – это мечта о независимости, о собственном пространстве, отгороженном от чужих. Да, это так. В изнурительных стрессах всеобщей зависимости – это вечное чудо собственной скорости. Воля движения, прятанье в интимное свое. Хотя это иллюзия, все равно живешь в социальной тяготе.

В накатившем вдохновении он даже сочинил стихи.

*Страна иная – дорога.
Летишь – вне привычных зон,
И остро, и сладко, и строго,
И хам по-открытому зол —
Сигналит сзади – из древнего
Чужого – враждебно гоня,
Виляет и здесь, чтобы первым,
В последнем веке юля.
Но звонкое чувство полета
В инерции тихой планет
Единственно верное что-то,*

В котором гибели нет.

Чистая страсть к технике привела к нему соседа Пахомова, он всю жизнь возится со своим старым «жигуленком», умеет оживить любую технику. Худой и рукастый, он залезал под дно, проверяя движущие части, хищно похлопывал кузов по бокам. И они, измазанные грязью, счастливо смотрели друг на друга.

И снова сидели на крылечке и курили. Пришел отпущенный под подписку о невыезде общественник Петров, тоже сосед по даче. Пахомов упрямо вещал:

– Пришло время правды. Открылись истины, которые так долго скрывались под ложной завесой прежнего времени.

– И какие же? – ухмыльнулся Петров.

– Слава богу, мы вернулись к своим корням. Теперь защищены глухим забором – нас не достать ни санкциями, ни атомной бомбой. Пусть попробуют.

Лопухов обеспокоился.

– И что, так и будем жить шагая задом наперед?

– Это еще посмотрим, кто идет задом! – возмутился Пахомов. – Там на Западе давно в ж...

Петров опасно засмеялся.

– Лопухов, убери этого неандертальца!

– Посмотрите, что делается! – вскричал Пахомов, всплескивая худыми руками. – Рухнула старая геополитическая ситуация. Мир перестал быть однополярным. Мы среди пер-

ВЫХ.

– С нашими ржавыми железками, – усмехнулся Петров. – Вроде ваших автомобилей.

Лопухов оскорбился за свою белую лебедь (или белый лебедь?). Пахомов воодушевился.

– Ничего, только начинаем. Вон, не стало олигархов, отдали государству все богатства и отбывают трудовую повинность. Так сказать, служат народу. А сколько импортозамещенных изобретателей появилось.

Петров встал.

– Это невозможно слушать. Откуда вы все беретесь?

Лопухов сказал примиряюще:

– У него свое мнение, а у тебя свое. Мне, вот, любопытно, откуда берутся убеждения.

Петров фыркнул.

– Источник один – наше тысячелетнее невежество, оно как дышло: куда повернули, туда и вышло.

Лопухов любовно смотрел на свою белую лебедь, видную сквозь темную гущину листвы яблонь, на освещенный из окна куст гортензии, цветущий сиреневым гроздьями.

Лопухов пребывал в тумане, как когда-то перед женитьбой. Нужно было устранить странную помеху – получить права и поставить автомобиль на учет. Что это за неприятность, зачем? Слишком много стало машин? Почему надо преодолевать гору препятствий, как в древние времена?

Он заранее сдал экзамен на вождение в какой-то задрипанной автошколе. Тянул с учетом до последнего момента – трудно выйти из постоянного ошеломления.

Но сначала – медицинское освидетельствование для вождения. А когда надо идти в учреждение, на него находит затмение. Все там похоже на порядки в министерстве, только намного хуже, и здания грязнее.

В районной поликлинике отстоял очередь. Наконец, сдал на анализ мочу и дал порезать палец – брали кровь, и, зачем-то сдал, на всякий случай, кал. А все из какой-то деликатности – постеснялся спросить, нужно ли, чтобы не мешать.

Он замешкался. Ему слышался за спиной окрик родины: – Куда прешь? Вас много, а я одна!

В психдиспансере тоже отстоял изнурительную очередь. Сухая и длинная психиатр с растрепанной головой и изнуренным лицом безразличным голосом спросила:

– Психических в роду не было?

– Что вы! Да я...

– У вас в истории болезни одни УРЗ.

– Я всегда был здоров, каждый день один час зарядки...

Он таил в себе страх – где-то когда-то делал операцию в заднем проходе ...

Беспокоили сделанные в молодости маленькие фотографии на паспорт, которые он сдал для медсправки, – пустил завалывшиеся в дело, по привычке исхитриться, ставшей второй натурой.

Все произошло очень быстро. С увлеченной послушностью Лопухов вытягивал перед комиссией руки с растопыренными пальцами, и они не дрожали. Легко приседал, становился на пятки и на цыпочки. Изнуренная психиатр скользнула взглядом по фото, на анализы кала воззрилась с удивлением:

– А это еще зачем?

Однако – нутром чувствовал! – она была настроена благосклонно. И, машинально вклеив в справку фото, выдала справку, что за всю жизнь у него всего лишь три раза было УРЗ.

В потоке удачи Лопухов сразу рванул в наркологию. Там доказательством его чистоты было чистосердечное признание, что пьет он, как все, по праздникам. Он был настолько весь в безоглядной искренней вере, что это так, что врач

смотрела на него как-то странно.

Содрав приличную сумму, выдали справку сразу, возможно, потому, что прибыльное дело требовало быстроты.

В ГАИ он поехал на следующий день перед самым концом работы, с документами и заявлением на получение водительского удостоверения.

Там сурово молчала очередь. Заискивающие попытки узнать что-либо ничего не дали. Свербила мысль о двух маленьких фото на медсправке – не придерутся ли.

После оформления документов в регистрационном окне и беготни с оплатой госпошлины и номеров на автомобиль, он, наконец, попал в отдел регистрации. Толстый жестко добродушный майор взял заявление на получение прав, полистал документы, посмотрел на фотографию в медсправке.

– Это вы?

У Лопухова упало сердце.

– А кто же?

– Маша, посмотри – это он? – спросил он толстую напарницу в погонах.

– Вроде бы...

– У меня сын такой, а вы – моих лет.

– Год назад снимался!

– И так изменились!

– Да, как-то сразу. Но не подумайте, это не связано со здоровьем. Это внешне лишь...

Он запутался, но ощущал ситуацию позитивной.

– Ладно, пошли к машине.

У машины Лопухов с такой готовностью открыл капот, что майор лишь посмотрел на него, на номер двигателя и кузова.

– Все в порядке?

– Как зверь работает, колодки новые, все новое...

– Ладно, пойдёмте.

Лопухову хотелось что-то сделать еще, дать денег.

В кабинете тот положил перед ним заламинированное свидетельство о регистрации автомобиля. Не смеядохнуть, Лопухов взял заветный документ. Под ним лежала записка с надписью карандашом: 5000.

Ничего не понимая, он спросил:

– А где права?

Майор грузно зашевелился.

– У вас фальшивое фото.

Опомнившись от наваждения удачи, Лопухов понял – выгреб последние деньги.

– Больше у меня ничего нет.

Получая регистрационное удостоверение, права и номера машины, он не осмелился высказать все, что думает о майоре, и обо всем, что творится в этом гадюшнике.

8

Лопухову приснился страшный сон. Оставил где-то на проселочной дороге свою малышку-машину. На следующий день пошел забирать, юля проскользнул через какую-то проходную, – не туда! Вышел налево, шел долго, через какой-то мост, и вот – дорога над лесом. Его белый москвичок вдалеке – цел! Подошел ближе, ближе... Один остов! Все остальное украдено!

Когда прояснилось сознание, со страхом выглянул из окна – а там стоит моя белая лебедь! И все на так уж страшно.

Однажды утром, проснувшись, Лопухов с нетерпением глянул в окно.

Машины во дворе не было! Она исчезла. Ночью ни он, ни жена ничего не слышали.

Накликал...

Он качался, сидя на месте.

– Как же сразу не купил запор!

Жена сказала:

– Хочется умереть, но во сне...

Лопухов очнулся.

– А что мы будем делать? О нас с Норочкой подумала?

– Вот вы о себе лишь думаете! Можешь Нору усыпить

и положить со мной. Сам найдешь кого-нибудь. Но все будут не те. Галка? Она любит, чтобы о ней заботились. Тебя в свою квартиру не пустит, собственница. Тебе надо такую, как соседка Катя...

Внутри Лопухова была зияющая дыра. Загублена жизнь, и нет просвета.

Бессонной ночью пришла Норуша и улеглась под бок, лизнув Лопухова в лицо.

Вздыхая, он поцеловал нос собаки. Уткнулся в шерстяную нежную спинку, уже с сединой.

– Старенькая моя! Умрешь, новую заведем – надо будет снова приучать, чтобы давала зубы чистить.

И застонал.

– Нет, больше любимых не будет, умирать нам с одной любовьюю.

9

На работе ему сочувствовали. Но у каждого были свои драмы, главные для них, и беда Лопухова была менее существенна. И тем более для государства, переживающего очередную обиду, нанесенную врагами, и ведущего очередную гибридную войну.

Ему снился один и тот же страшный сон. Поставил машину где-то на бугре у дома. Отвернулся – машины нет.

И еще – оставил машину где-то у ремонтных мастерских, глядь – а машины нету. Ринулся в мастерские – там чумазые рабочие пожимают плечами. Наверно, уже разобрали на части.

Просыпался от тягостного чувства страшной потери – всей жизни, всей судьбы, экономившей на всем.

Вскоре из полиции сообщили, что машина найдена. Странно, в нем не было радости, но поспешил к следователю. Его встретила толстая тетка, она с наглой уверенностью могущей посадить, разговаривала с кем-то. Это был *Он*, при

мысли о котором Лопухов злобно переворачивался в постели бессонными ночами. Это оказался обыкновенный человечешко, худой, с френологическими шишками на лысой голове. Они весело смеялись.

– А он забавный, – отсмеявшись, кивнула на него Лопухову. И у того пропала злоба на угонщика, но почему-то ощутил ненависть к следовательнице.

Увидел свою машину всю разбитую, на ней угонщик возил дрова и мебель, эксплуатировал во все корки. Почему-то забирать ее уже не хотелось.

Обгаженный автомобиль стоял во дворе, и Лопухову было противно выглядывать в окно – на месте ли он.

В нем зрел гнев. Хотелось выдать вслух, прокричать то, что вызрело в его душе. Жена смотрела на него с удивлением.

– Ты совсем не такой, как кажешься!

Теперь он как будто очнулся. Ясно увидел все, что так мешало выпрямиться.

– Ты же знаешь, какой я на самом деле.

Лопухов плюнул на все – захотел изменить жизнь, уйти из подвала с высоко поднятым окошком, к чертовой матери. Жена плакала – чем жить? Умоляла не торопиться.

Он ночью ворочался на постели: что дальше? Впереди ждало тягостное выживание, ведь, свободное предпринимательство снова стало осуждаться обществом.

На работе коллеги сразу заметили в Лопухове что-то необычное. Он перестал суетиться, ходил молчаливый, от-

вечал прямо и резко.

Приятель Пахомов воззрился на него.

– Ты чего петухом ходишь?

Общественник Петров смотрел на него с сочувственным удивлением.

– Вот что делает отъем собственности.

Они не понимали, что дело не в автомобиле. Он заставлял себя вспомнить то время, когда с упоением читал Чехова, или в деревне у бабушки, зимой летел на коньках по бесконечному льду замерзшей реки с мелькающими по сторонам сопками с глухими лесами, до головокружения, и был один, и ничто не мешало думать и делать, что хочешь.

Лопухов вдруг представил какую-то иную жизнь, в конце прошлого и начале нового столетия, которая казалась ему золотым веком. По рассказам старших, тогда мир был совершенно другим, была восхитительная опасность свободы мысли, люди словно с цепи сорвались, смело раскрывали свои подлинные мысли, не запрещаемые властью и не поддерживаемые ничьими авторитетами. То время считалось хаосом, отданным на растерзание окружающим по границам врагам. Правда, и тогда он не знал бы, что такое свобода, и как в ней жить.

Или это было еще раньше, в древние века, когда первые христиане жили не по Закону, а по божественной свободе и вольной ошупи смыслов, исповедуемой упрямым апостолом Павлом, наперекор своей догматической братии.

Вернее, представил какого-то прошлого себя, еще до рождения, до сковавших его генов родителей, когда, вероятно, был самым собой.

Коллеги смотрели на нервного Лопухова с недоумением. что это с ним? И шептались:

– Вздулся пузырь да и лопнул.

– Он что, с приветом? – тупо удивлялся один.

– Среди умных нормальных нет, – обрезал другой.

– Что поделаешь, где сила, там и норма, – философствовал третий.

Лопухов тоскливо смотрел в высоко поднятое окно своего подвала, где были видны шагающие ноги прохожих. Его подозвал за свой железный шкаф кадровик Злобин, как это бывало раньше.

– Я за тебя похлопотал. Пройди в кассу, получи сто юаней.

– С какой стати?

– Ты что, не знаешь? У нас сегодня митинг, посвященный нашей победе. Все получили, так что, обязаны пойти.

Лопухов выпрямился.

– Я не пойду.

Он удивился себе, с каким наслаждением высвободился из своего обычного страха. Кадровик изумился.

– Как это?

– Не хочу.

Ошарашенный кадровик побагровел:

– Как! Я тебе помогал всем, чем мог. Вот как отблагодарил! Это тебе так не пройдет.

С него спала проклятая пелена страха – обидеть нелепой правдой, и неизбежности перед чем-то всемогущим. Неодолимое чудовище, навалившееся на него и заставляющее прыгать и уваливать, наконец, откатило от него.

Лопухова вызвали в кабинет начальника департамента.

За длинным столом в ряде кресел редко сидели руководители среднего звена, на стене – портрет уверенного мачо – вождя. Обстановка уже не вызывала былого страха. Лопухов смотрел на них, как на неопасных инквизиторов, с любопытством младенца.

Начальник департамента, пожилой человек, заговорил усталым безразличным басом:

– Тут к нам приходят сообщения о вашем странном поведении. Обособились от коллектива, участвуете в протестах. Так ли это?

– Я не обособляюсь, – доверчиво сказал тот. – Наоборот, хочу убрать все преграды между нами.

– Как это?

– Хочу быть свободным.

– Жить в обществе и освободиться от общества нельзя.

Лопухов подавил желание увильнуть от угрозы.

– Нельзя, но общество может стать свободным.

Ему захотелось объясниться, глядя в непроницаемые глаза зама. Представил свой сад, свою маленькую семью с пуделчком Норочкой. И сознавая, что ничто не может изменить этот непроницаемый взгляд, улыбнулся:

– Наверно, дома, в кругу своей семьи, вы совсем другой. Тот удивился.

– Причем тут это?

– Я обращаюсь к тому, кто там, в своей семье, свободен.

Когда-то вы или ваши отцы спорили до хрипоты, и никто над вами не стоял с угрозой показательной публичной порки.

Слова этого клерка показались давно знакомыми и позабытыми, он, видимо, себе на уме.

В креслах сразу поскучнели.

– Тогда было совсем другое время, – вспомнил молодой начальник отдела. – С тех пор мир изменился так, что то время стало невообразимо.

Низенький в кителе ядовито усмехнулся.

– Откуда такое ископаемое? У нас таких давно нет. Пустые романтики и идеалисты давно разбежались от трудностей новой эпохи самостояния.

– И что, стало лучше? – спросил клерк.

– Так санкции! – откликнулся молодой начальник отдела. – Много лет прошло, но не хотят снимать, как поправки Джексона-Вэника.

Клерк упрямо продолжал:

– Да, было время, когда рассчитывали на творческую энергию людей. Но получилось, как всегда. Опять застыли, окаменели в догмах. Что произошло? Как разбудить людей? Надо докопаться до истины, чтобы снова стать свободными.

Толстый зам начальника департамента с черными волоса-

ми, растущими со лба, и густыми усами, уставился на него:

– Новый Христос нашелся. «Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут». А в наше время пахать надо.

– Мир иллюзий давно грохнулся! – вставил молодой руководитель.

– А еще автомобиль выделили! – вставил кадровик Злобин, сидевший в сторонке на стуле.

Сидящие в креслах смотрели на него, как на больного.

– Его проверить надо.

Наверно, инстинктивное желание Лопухова открыть в них душу, ведь есть же в них что-то живое, что раскрывают перед близкими, приняли за легкое безумие. Почему же здесь вы так жутко не похожи на себя?

– Да, кто его привел? – грозно спросил начальник департамента. – У нас и так времени нет.

Наверно, он так давно был начальником, что уверовал в свое природное чувство ответственности за свое дело.

Сидевший с краю кадровик побледнел.

– Так он против власти. Нельзя же так оставить.

Лопухова била дрожь – от всех веяло холодом, как будто он чем-то мешал. Он приподнялся от негодования.

– Не занимайтесь ерундой, – сурово прервал начальник. – Тоже, нашли врага.

Прятели встретили его сочувственно.

– Пропесочили? – усмехался Пахомов. – Ничего, теперь

исправишься.

– Что это такое? – не мог опомниться Лопухов. – С ними даже невозможно разговаривать.

Друг детства Петров весело взгляделся в него, кивнул Пахомову.

– Он как будто поднял на себя всю тяжесть мирового зла.

Пахомова это позабавило:

– Глас вопиющего в пустыне. Ты что, собрался изменить жизнь?

Лопухов преодолел тревогу.

– Наверно, придется.

Пахомов усмехался:

– Если ты такой благородный, то должен остаться и нести нам свет.

– По теории малых дел?

Общественник Петров задумчиво смотрел на Лопухова:

– Приходи в нашу компанию, поговорим.

Неожиданно Лопухову пришла повестка к следователю. Он с трудом преодолел смятение из-за возникшей угрозы его существованию. Хотелось скрыть природную вину – преступил какой-то один из законов в защиту отечества, на самом деле выдуманный депутатами Думы. Мелькнула мысль об алиби, инсценировке для защиты.

В кабинете следователя была обычная уныло казенная обстановка, с железными шкафами-сейфами, с большим оранжевым светильником на столе. За ним оказалась та же толстая тетка, которая весело болтала с угонщиком его «белой лебеди». От нее было все то же ощущение государственной угрозы. Однако она встретила его, как старого знакомого. Он спросил:

– Вы и политикой занимаетесь?

– Какой политикой? – залилась смехом она. – В нашей стране нет политических, есть только уголовка. Вот – куча информации собралась, вы нарушаете общественный порядок.

В ней была прочная уверенность в надежности устоев общества.

– Доносы?

Она снова засмеялась.

– Какие там доносы! Вот, допросили мальчика, который вместе с вами участвовал в митинге протеста. Вы еще Гаврошем его назвали. Искренний, не умеет врать, выложил все, не утаил. Ох, уж эти соранцы!

Она вытащила из сейфа бутерброды.

– Не хотите? Всегда приношу с собой, совсем нет времени нормально пообедать.

Наверно, пустяки, – успокоился Лопухов, – если она так отвлекается.

Она поела, утерла ярко накрашенные красные губы.

– Люблю я допросы! Это творческий процесс. Так, с какого рожна вы вышли на улицу протестовать?

– Ваш новый мир, в котором, якобы, обрушились все привычные представления о ценностях, – на самом деле вернулся в старый, прошлый век, еще до перестройки и гласности.

Она восхитилась.

– Афоризмы выдаете! Прямо открываете глаза.

Лопухов осмелел, увидел в ней простую русскую тетку, которая все понимает.

– Вернулась старая эпоха импортозамещения.

На столе зазвонил массивный импортозамещенный телефон. Она взяла трубку.

– Ну, что там? А, душка, ты меня отрываешь...

Она слушала, любовно улыбаясь и глядя Лопухову в глаза, словно передавая ему свои переживания.

Положив трубку, она игриво продолжила:

– Вот ваше дело. Вначале все казалось надуманным, потом чем-то непонятным. Потом – через бумажки и экспертизы восстанавливаешь всю картину, допрашиваешь, переспрашиваешь, усыпляешь бдительность, а потом бах! и обвинение.

Лопухов опешил.

– В чем обвинение?

– Как в чем? – удивилась она. – Статья 280 не отменена. Призывы к осуществлению экстремистской деятельности, откровения в высказываниях с сообщниками. Кстати, вашего сообщника Петрова мы тоже взяли на заметку.

Лопухов побледнел. И его?

– Это же обвинение в мыслепреступлении!

– Участие в несанкционированном митинге, – уверенно перечисляла она, – бездействие в создании помех функционирования объектов жизнеобеспечения, вовлечение несовершеннолетнего, уклонение от охраны порядка путем побега с петлянием по переулкам. И много еще чего.

– Откуда все это? И причем тут какой-то Гаврош?

– Вот куча доказательств! – поворошила она доносы в деле.

Наверно, следователь с удовольствием ощущала должностное своеволие безнаказанности. И деловито заключила:

– Согласно статьям закона, срок тюремного заключения один год.

Она вдруг сменила тон:

– Но, к вашему счастью, сейчас эта статья почти не применяется, отпала необходимость. Может быть, штраф шестьсот тысяч рублей.

Лопухову стало страшно. Да, сейчас не расстреливают. Но лишают жизни путем отлучения от средств существования, отказывая или в праве на профессию, или обкладывая непомерными штрафами. Где он возьмет такие деньги?

– И придется проверить, нет ли у вас психических отклонений. Статья 203. «Помещение в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях».

Суд состоялся в длинном зале, где на деревянных скамейках, отполированных за многие годы тысячами задов посетителей, сидели несколько свидетелей, и сзади приютилась испуганная жена Лопухова.

Впереди на возвышение-зигкурат зашли судья с грузным телом в черном балахоне-мантии, и два судьи-помощника. Все встали. Судья безразличным басом громовержца объявил начало заседания.

Взял слово прокурор, безличный человек в кителе с синими погонами, поспешно заявил:

– Все доказательства странного поведения подозреваемо-

го имеются в деле. Нет надобности исследовать новые доказательства, заслушивать свидетелей.

И скороговоркой зачитал заключение, буквально повторяющее следовательницу, вплоть до уклонения от полицейских «путем побега с петлянием по переулкам». И что, ввиду несуразности действий подозреваемого следует направить на медицинское освидетельствование.

Судья в черной мантии такой же скороговоркой вынес определение: оштрафовать на 600 тысяч рублей и направить на медицинское освидетельствование.

Медицинский осмотр не доходил до сознания Лопухова. Сверлил один и тот же вопрос: где взять эти сотни тысяч? Петров обещал собрать через интернет, но и он под подозрением.

Лопухову назначили психиатрическую экспертизу. Двое интеллигентного вида в белых халатах стали задавать вопросы: есть ли жалобы, чем пациент недоволен, есть ли острые переживания по поводу какой-либо ситуации. Особенно обратили внимание на историю с кражей автомобиля.

- Дело не в этом, – возражал Лопухов, – а в смене эпохи.
- Почему вы вспоминаете прежний мир?
- Потому что современный погибает от недостатка памя-

ти и воображения, – отвечал Лопухов.

– Раздевайтесь, – мягко предложил один из них.

– Это зачем? – нервно вскинул руки он. – Вы что, меня в психушку? Я нормальный!

– Не волнуйтесь, если вы нормальный, туда не попадете.

Его раздели догола, заглядывали в глаза, больно тыкали пальцем под мошонку, проверяли все тело стетоскопом.

– Биполярное эффективное расстройство? – задумался один в белом халате.

– Нет, избегающее расстройство личности, – убежденно сказал второй. – Крайняя застенчивость, переходящая в беспредельную откровенность.

Когда на него надели больничный халат и стали уводить, он обнял жену, словно последний раз купаясь в тепле и нежности.

– Как хорошо, что есть вы с Норочкой.

Жена плакала, как декабристка, провожающая мужа на каторгу.

И Лопухова увели.